

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 15

Борьба продолжается (продолжение)

Хотелось бы остановиться на одном интересном вопросе. Во многих нынешних сочинениях сплошь и рядом муссируется тема “поддержки” тогдашних русских патриотов властью. Дескать, было у них наверху “прикрытие”, и потому они абсолютно безнаказанно “распоясались”. При этом называются имена Шелепина, С. Павлова, Г. Воронова, Н. Егорычева, помощника Суслова Воронцова, Д. Полянского, Тяжельникова и некоторых других... Пишется об этом многими нынешними “исследователями” то с недоумением, то с плохо скрываемым злорадством, сквозь которое сквозит сожаление, что не “прихлопнули” этих “негодяев” вовремя.

Вообще-то следует учесть, что именно в конце 1960-х – начале 1970-х, когда кипел десятибалльный шторм вокруг “Молодой гвардии”, почти все эти функционеры послетали со своих постов. Лишились своих должностей и Шелепин, и Павлов, и Егорычев, и Полянский. Достаточно было Воронову выступить по новосибирскому телевидению и заявить, что русский народ находится в небрежении по сравнению с остальными народами Советского Союза, как он мгновенно вылетел из Политбюро.

И тут следует, я думаю, обратиться к воспоминаниям о тех днях Сергея Николаевича Семанова, лично общавшегося с некоторыми из так называемых “покровителей”:

“...Поддержка “сверху” Русской партии была весьма незначительна. Все названные лица были не политическими деятелями, а серыми аппаратчиками, не умели толком даже интриговать (в отличие от Арбатова, Бовина, Иноземцева и прочих), имели весьма слабое представление о международной политической обстановке и месте в ней СССР–России. Они не могли не проиграть своим замаскированным противникам и проиграли, что закономерно.

Но характерно, что молодогвардейские патриоты никогда не уповали и даже не надеялись на поддержку сверху. Они действовали, как истые партизаны, сами, без приказа выходили “на железку” и подрывали по мере сил и возможностей вражеские составы...

Тут приходится сказать слова, которыми слишком часто злоупотребляли и злоупотребляют: Русскую партию поддерживал народ. Оговоримся уже для исторической достоверности: большинство советского многонационального народа и слыхом не слыхали о книгах, статьях и делах русских патриотов. Так, но знало о том всё “образованное сословие”, и не только в обеих столицах.

Боевые публикации замелькали в ту пору в целом ряде центральных изданий и издательствах в провинциальных центрах – Ростове, Саратове, Новосибирске, Иркутске, Петрозаводске, Вологде... Было что читать! По множеству откликов, которыми мы уже тогда располагали, народ, низовой госаппарат, военные и правоохранительные органы весьма сочувствовали призывам к порядку, русским корням и укреплению народной нравственности. Осмотрительное брежневское руководство о том, разумеется, ведало и не могло не учитывать в своей идеологической политике”.

Впрочем, тут впору говорить не только об “образованном сословии”, не только о “низовом госаппарате, военных и правоохранительных органах”... Это было время, когда рядовые читатели рвали из рук журналы с более или менее заметными публикациями, когда повсюду звучал сакраментальный вопрос: “А ты читал?..” И эту читательскую поддержку народившегося русского движения власть, в самом деле, не могла не учитывать, особенно если взята во внимание то, что государственный аппарат, приходящий в себя после хрущёвских “перегибов”, явно не желал противостоять повсеместно всколыхнувшемуся интересу к отечественной истории. Другое дело, что многочисленные поборники “классового подхода” оружия складывать не желали и продолжали бомбардировать отечественных “ревизионистов” зубодробительными статьями, явно приглашая власть присмотреться к создавшейся ситуации и сделать необходимые, как они полагали, выводы.

И тут нельзя не сказать, что у власти, на самом деле, были заботы поважнее.

Чрезвычайно обострился национальный вопрос. И если спорадические вспышки насилия на кавказских и азиатских окраинах тревожили и беспощадно пресекались, но, в принципе, ещё, как считалось, не мешали жить, то происходившее прямо под боком...

Речь идёт об Украине.

Уже с середины-конца пятидесятих годов в этой братской социалистической республике – неотъемлемой части СССР – начали происходить весьма интересные события. И с этим “хрущёвским наследием” разобраться по-настоящему так и не удалось.

В своей внутрипартийной борьбе за власть главный кукурузник страны сделал ставку на украинский партийный аппарат, в котором всё большее и большее число “кресел” занимали бывшие бандеровцы или явно им сочувствовавшие.

В 1954 году Хрущёв в ознаменование юбилейной годовщины Переяславской рады передал Украине Крым, не соизволив спросить об этом ни русский, ни украинский народы (о мнении крымчан речи не было вообще). А в сентябре 1955 года вышел Указ “Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.”.

Это была не первая амнистия, объявленная для украинских националистов.

“Положительную роль сыграли обращения (амнистия) правительства УССР и ЦК КП(б)У к населению западных областей УССР... С 1 июня по 1 августа явилось с повинной: бандитов – 5117, дезертиров и уклонявшихся от призыва в Красную армию – 21 663 чел.”, – писал Хрущёв Сталину 4 августа 1945 года. А в 1947–1948 годах были проведены ещё три республиканских амнистии. Проходило немного времени, и амнистированные снова обнаруживались в бандеровском бандподполье...

С осени 1955-го амнистированных возвращали на прежнее место жительства, где власти не просто помогали им с жильём и трудоустройством, но почти полностью компенсировали экспроприированное у них в 1944–1953 годах имущество. Это была, пожалуй, уникальная забота о военных преступниках – ничего подобного не делалось по отношению ни к одному более из реабилитированных... Вдохновлённые Указом, на Украину возвращались эмигранты так называемой “второй волны” – бежавшие в обозах гитлеровцев от справедливого возмездия за совершённые преступления. В 1955–1958 гг. в Украинскую ССР на постоянное место жительства прибыло не менее 50 тысяч реабилитированных лиц. В последующие 10 лет – ещё 50 тысяч.

В прессе националистических организаций за рубежом открытым текстом писали, что теперь появились возможности действовать легально. В 1970 году лидер мельниковцев (Мельник был руководителем одной из группировок ОУН) **Анатолий Каминский** выпустил в США и Канаде книгу “За современную

концепцию украинской революции”. Издание можно было без проблем заказать у букинистов, у иностранных корреспондентов в УССР. По мнению Каминского, *“национальная революция в Украине вполне возможна, и её надо готовить. Причём для этого не нужны подпольные структуры... Чтобы сплотить народ против советского режима, достаточно эволюционных возможностей. Если умело использовать международную и внутреннюю ситуацию, можно рассчитывать на успех”*.

По данным современных историков, не меньше трети украинских националистов и членов их семей, реабилитированных в 1950-е гг., стали к середине 1970-х руководителями райкомов, обкомов и исполкомов в Западной, Центральной и Юго-Западной Украине, а также руководителями разного ранга в украинских министерствах и ведомствах.

Реабилитированные нацистские прислужники уходили из лагерей с абсолютно чистыми документами. Указ от 17 сентября 1955 г., в частности, гласил: *“... Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осуждённых за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. Освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, направленных за такие преступления в ссылку и высылку... Снять судимость и поражение в правах с граждан, освобождённых от наказания на основании настоящего Указа; снять судимость и поражение в правах с лиц, ранее судимых и отбывших наказание за преступления, перечисленные в статье первой настоящего Указа... Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях...”*

И не проводилось никакой разъяснительной работы с населением, которое просто ставили перед свершившимся фактом и на мнение которого по поводу происходившего власть попросту плевала. И это наплевательское отношение привело, в конце концов, к тяжелейшим последствиям, если учесть, что наибольшее количество мирных граждан, убитых и замученных членами ОУН, УПА и их пособниками, приходилось не на русских, не на поляков, не на евреев (хотя и среди них были многочисленные жертвы), а на... украинцев. На тех, кто не желал мириться с воцарившейся на короткое время на Украине властью свастики и трезубца, и на тех, кто рассчитывал попросту “отсидеться”... С ними расправлялись безжалостно и зверски, воспринимая их, очевидно, как единокровных “предателей” дела “Великой Украины”, руководствуясь инструкцией Романа Шухевича, адресованной подразделениям УПА: *“Не запугивать, а истреблять! Не надо бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из 40 миллионов украинского населения останется половина – ничего ужасного в этом нет”*.

И эти “деятели”, ни на йоту не изменившие, по сути, своих убеждений, стали занимать начальственные кресла и воспитывать молодёжь в соответствующем духе.

Результаты не заставили себя ждать.

В 1965 году вышел 17-й том Украинской Советской Энциклопедии. В статье, посвящённой Украинской ССР, был отдельный раздел “Общественный и государственный строй”, который начинался буквально следующей фразой: *“Украинская ССР – это суверенное (выделено мной. – С. К.) национальное общенародное социалистическое государство”* (с. 174). Союзный Агитпроп вообще никак не отреагировал на эту выходку Агитпропа национального.

В сентябре того же года в ЦК КПСС поступило анонимное письмо: *“На Украине всё больше накаляется атмосфера на почве национального вопроса в связи с желанием кое-кого в Киеве провести так называемую украинизацию школ и вузов... Неужели в ЦК КПСС неясно, что нарушение любого статус-кво, а тем более в данном вопросе, вызовет враждебные отношения между русскими и украинцами, возбудит у очень многих низменные страсти в угоду и на потребу канадским украинцам”*.

Не проходит и месяца, как на заседании Политбюро ЦК КПСС 21 октября 1965 года обсуждается проект ЦК Коммунистической партии Украины, инициированный выдвиженцем Хрущёва Петром Шелестом, о предоставлении Украине права самостоятельной внешнеэкономической деятельности. Эта самостоятельность была отвергнута Москвой, но Шелест остался на своём посту (любого другого руководителя любой республики, осмелившегося предложить нечто подобное, сняли бы мгновенно).

“...Для того чтобы узнать об “украинской мечте”, – вспоминал уже в наши дни Александр Ципко, – не надо было общаться с бывшими солдатами УПА. О том, что стоит за мечтой о “незалежной от России Украины”, лично мне, сотруднику ЦК ВЛКСМ, в минуты откровенности рассказывали комсомольские и партийные работники во время моих командировок во Львов, в Закарпатье. Не кто иной, как секретарь райкома партии г. Стрий под Львовом подарил мне, учившему украинский язык в школе, “Кобзаря” Шевченко и “Собор” Олеся Гончара и посоветовал погрузиться в эти тексты и понять, в чём смысл украинскости. Я честно прочитал “Кобзаря” от корки до корки и уже тогда, в 1968 году, понял, что если Украина станет независимой, то она обязательно будет антирусской”.

В конце 1960-х по Украине ходил характерный анекдот:

“1969 год, Львов.

Собрание парторганизации по приёму новых членов в ряды КПСС. У дверей в зал собрания толпится кучка кандидатов в члены, ожидают своего вызова в зал. В дверь заходят, из дверей выходят... Выходит один из кандидатов. Грустный такой, расстроенный. У него спрашивают.

– Ну шо, прийняли?

– Ни.

– А шо таке?

– Та спыталы...

– Шо?

– Та спыталы, – а то нэ ты бандеривцям на скрыпци грав?

– А ты?

– А я кажу, – я.

– Тю-ю-ю-ю, дурный, сказав бы, шо то нэ ты!

– Эгежж... воны ж там вси в прэзыдии и сыдять...”

И таких, сидящих в украинской “презыдии”, становилось всё больше и больше. И нет ничего удивительного в открытых выступлениях в 1960-е местной националистической интеллигенции.

Вот как вспоминал о своём жите-бытье на советской Украине в 1960-е известный деятель советского “демократического движения” публицист Анатолий Стреляный: “Помню, как мы схватывались из-за одного стихотворения покойного Симоненко (умерший в молодом возрасте Василь Симоненко был одним из наиболее популярных украинских поэтов того десятилетия. – **С. К.**). Обращаясь к Украине, он писал: “Да молчат Америки, России, когда я с тобою говорю!” Я не мог принять этих строк, говорил, что Америка и Россия молчать не будут, как их ни проси, что, нравится это украинским авторам или не нравится, а за внимание своей матери они всегда будут бороться не только с Россией и Америкой, а со всем миром, на чужой роток не накинешь платок... Мои друзья рассказывали мне о русификации – это сознательная политика Москвы, вскрывали её приёмы, хитрости. Я знал это не хуже, чем они, но знал и то, чего им не очень хотелось знать: что украинцы сами стремятся русифицироваться, что каждую осень школьный отдел “Комсомольской правды” заваливается письмами украинцев, которые жалуются, что их детей принудительно определяют в украинские школы... В нападках русского на русских всегда был гнев, была боль. В нападках моих соплеменников на русских была только злобность... Не из кого-то, а из профессиональных мастеров мовы сложился штаб Руха – антисоветского, антисоциалистического национального движения... Действительно, начиная с 60-х годов, пишет Нелли Корниенко, в украинском обществе, словно в ответ на запросы генетической культурной памяти, стали создаваться условия для появления лидеров нового типа. Называются имена: Иван Светличный, Юрий Бадзь, Вячеслав Чорновил, Иван Дзюба. Они все обладают “компетентным знанием на уровне европейских и мировых стандартов” и “относительно высоким уровнем гармонии индивида этого типа”. (Да, да, оно общее несчастье русских и украинцев! – эта фея научных междусобойчиков!..)

Молодые украинские литераторы, изначально проникнутые национальным духом, всё более и более проникались националистической идеологией. К середине 1960-х уже не только на Украине знали имена Лины Костенко, Ивана Драча, Миколы Винграновского, Ивана Дзюбы. Менее известны, но куда более активны в своём желании “увести” Украину “из-под руки Москвы” были Иван Светличный, Евгений Сверстюк, Василь Стус, Михаил Осадчий, Иван Гель,

Вячеслав Чорновил... Почти все они были выходцами из сёл и относились к первому поколению советской интеллигенции. Беспрепятственно делали литературную карьеру, а многие из них состояли в КПСС.

Первый секретарь ЦК КПУ Пётр Шелест делал максимум возможного для того, чтобы смягчить всякие резкие движения “Москвы” в сторону своих соплеменников и старался максимально оградить “самостийников” от репрессий (там, где это было возможно). Так, практически не пострадал тогда автор откровенно националистического трактата “Интернационализм или русификация?”, написанного по заказу тогдашнего секретаря по идеологической работе ЦК КПУ Андрея Скобы, Иван Дзюба.

К 1965 году ситуация, что называется, созрела. Созрели и многие энтузиасты национального движения. Такие, как Микола Руденко – известный на Украине и за её пределами профессиональный писатель, служивший в специальных войсках НКВД, сражавшийся под Ленинградом, секретарь партийной организации Союза писателей Украины, писавший в конце 1940-х об украинских националистах как о злейших врагах украинского народа, а после 1956 года – автор беззаветно националистических текстов, которые он писал, что называется, “в стол”. Такие, как актёр Василько, в тридцатые годы посылно травивший режиссёра Леся Курбаса и драматурга Миколу Кулиша за буржуазный национализм, а в середине шестидесятых ставший пламенным оратором на митингах в Киеве, где разоблачал “сталинизм” и “русификацию”...

К этому времени сама украинская верхушка вынуждена была всё же употребить власть, отправив за решётку два десятка участников подпольных не-обандеровских организаций, которые самим своим существованием дискредитировали открывшиеся “эволюционные возможности”.

В январе 1965 года в Киеве прошли похороны Владимира Сосюры, раскритикованного в своё время за стихотворение “Люби Украину”, превратившиеся в политическую демонстрацию. Ещё более резкие выступления прозвучали на премьере фильма Сергея Параджанова по повести Михаила Коцюбинского “Тени забытых предков”, которая состоялась в сентябре того же года. Иван Дзюба, Василь Стус и Вячеслав Черновол не вытирали выражений, когда клеймили “русификацию” и “русский шовинизм”. И опять-таки эти выступления власть сочла идущими поперёк открывающихся “эволюционных возможностей”... Бунтарей наказали достаточно мягко, уволив их с прежних мест службы.

Сам Параджанов позже отозвался о своём творении весьма пренебрежительно: “Понимаете, поэт Бажан, один из великих моих друзей, сказал, что “Тени забытых предков” пять лет нуждались в признании, лента, которую я не люблю, и для меня она просто... Картина нравится Юрию Ильенко, поэтому он изредка мне напоминает, что существует эта лента. Я ушёл абсолютно в сторону от этого этнографического, такого колониального фильма, и считаю, что это колоссальное заблуждение юноши, что если этому подражает такой мастер, как Юрий Ильенко, или напоминает картину хотя бы даже аксессуаром, обрядом, танцами, динамикой...”

(Через пять лет Юрий Ильенко снял едва ли не лучший фильм в украинском кинематографе – “Белая птица с чёрной отметиной” – о трагедии, разыгравшейся в семье Леся Звонаря, когда один брат – в пронзительном исполнении Ивана Миколайчука – пошёл с Советами после воссоединения Восточной и Западной Украины в 1939-м, а второй – в менее пронзительном исполнении Богдана Ступки – пошёл на службу к немцам. Через много лет Ильенко вещал по центральному телевидению, что в съёмочной группе якобы велись разговоры не о том, выпустят или не выпустят этот фильм на экран, а о том, “сколько за это дадут”... Дали. Дали премию за лучшую режиссуру на Московском международном кинофестивале в 1972 году).

О том, что творилось в самой среде украинских “диссидентов”, потом живописно рассказывала Мирослава Бердник, дочь сталинского “сидельца” писателя Олеса Бердника, который, во многом помимо своей воли, был вовлечён в “национальное движение” и получил новый срок: “... На примере судьбы моей семьи становится понятным, как Запад и определённые силы в СССР играли в пинг-понг судьбами людей, наиболее талантливых, пассионарных, неравнодушных, загоняя их на тропу диссидентства. Люди вместо того, чтобы заниматься творчеством, наукой, начинали писать письма протеста, всякие “хроники текущего времени”, Запад широкими мазками рисовал образ

“империи зла”, пятое управление КГБ показывало свою нужность и изображало бурную деятельность, постепенно готовя фундамент для перестройки”.

Кстати сказать, автор романа “Собор” Олесь Гончар, многие десятилетия работавший правозащитным советским писателем, вещал тогда о Берднике: “Або виключаєте цього антирадянщика з Літфонду, або – з Літфонду виходжу я”.

Не исключено, что подобное поведение Гончара во многом было продиктовано тем, что он знал текст обращения группы украинских писателей в Политбюро ЦК КПСС, посвящённого его роману, который был назван “клеветническим, антипартийным и антисоветским”... “Счёт Гончару так и не был предъявлен. Речи о клеветническом “Соборе” не было, как будто роман не вышел СТОТЫСЯЧНЫМ тиражом в издательстве “Дніпро”... как будто “Собор” не взят уже на вооружение националистической эмиграцией, не издан за рубежом на деньги американской реакции, не одобрен Ватиканом и не выпускается им в переводе на английский, немецкий, итальянский, французский и иные иностранные языки, как будто не выдвигается Римским Папой на Нобелевскую премию... Националистическая сволочь ликует...”

... Кому-то может показаться весь этот сюжет излишним в нашем повествовании. Но думается мне, он имеет самое прямое отношение к излагаемым событиям, происходящим вокруг русских писателей и критиков в конце 1960-х. Приведу ещё один текст, принадлежащий перу одного из самых ярких украинских националистов и непримиримого пропагандиста выхода Украины из состава СССР – Валентина Мороза:

“Испытание за испытанием... Дьявол надевает всё новые маски. В этот раз он появился в образе некоего деятеля искусства. Как-то не верится: Любчик, Атаманюк, представитель КГБ и... деятель искусства – в одной компании?! И всё-таки – в одной. Иконы из Довбушевской церкви оказались у него. Следы так ловко замётаны, что люди до сих пор сбиты с толку. Все претензии к Атаманюку – ведь он распорядился отдать иконостас в музей. Это правда: иконостас пошёл в музей, но по дороге его ободрал вышеупомянутый деятель культуры, который спрятался за спиной Атаманюка – какой противоестественный союз! И всё-таки он имеет реальную основу... Но нужно ли забирать в Киев Довбушевский иконостас XVIII века – даже ценный, не ободранный Параджановым?.. В 1969 г. в Жидачёве Львовской области сбросили при строительстве автостанции с высоты 8 метров деревянное распятие XV века, старейшее на Украине. Ежегодно на весенних ярмарках в Косове банды так называемых “активистов” бьют писанки (об этом писала даже “Комсомольская правда”). Они же добивают по ночам за 25 рублей последние кресты на перекрёстках дорог Западной Украины, кресты Воли, поставленные в честь отмены крепостничества... Массовое образование, массовая медицина – это хорошо. Но вместе с ними пришла массовая культура. Вместо рая, обещанного утопистами, пришли обескультуривание, отчуждённость, дегуманизация, потеря корней. Есть английский банк, но нет английского фольклора. В человеке гипертрофированно развивается техническая функция за счёт духовной, – и это почему-то именуют прогрессом. Никогда ещё не было такой насущной необходимости организовать и мобилизовать опыт Сопротивления, взять на вооружение то, что уже не раз спасало нацию от потери своего лица. Каждый народ должен найти этот приём в своём наследии и выработать собственную вакцину против новой беды... Широкая чаша меж гор, а в ней Космач – такое непохожее на другие село. Здесь я понял: Космач всегда будет непохожим, всегда будет иметь своё лицо. Этих людей никогда не разложат материализмом. Материальное никогда не было для них главным – ни когда строили дом, ни когда шли в опришки, ни теперь, когда едут на сезонные заработки в далёкие края. Люди в этих горах обладают удивительной способностью одухотворять всё вокруг себя... Мизерные заработки, но никто не радуется, что посреди села выросла вышка нефтеразведчиков. Все молят Бога, чтобы нефть не нашли. Нет, Космач не купит материализмом. Здесь не продадут право первородства за чечевичную похлебку”.

Если бы не украинские фамилии, не название села Космач – ей-богу, можно было бы подумать, что данный текст (особенно вторая его половина) принадлежит одному из авторов “Молодой гвардии” (кстати, хорошо и параджановский портрет, набросанный бестрепетной кистью украинского диссидента!)... Тут же так и слышатся злорадные голоса иных современных “исследователей”: “Всё верно, как украинцы работали на разрушение СССР, так

и “руситы” своим педалированием “возвращения истории” подталкивали к этому же...” Не торопитесь, господа хорошие!

Центральная власть прекрасно понимала разницу: ни одному из авторов “Молодой гвардии” или только-только начинавшего становиться на ноги как печатный орган русского движения “Нашего современника” ни в каком страшном сне не могла прийти в голову мысль о выходе Российской Федерации из состава Советского Союза. Более того, все они прекрасно помнили, что нынешние “союзные республики” ещё сравнительно недавно были неотъемлемой частью Российской империи, и внутренне не могли смириться с формулировкой, допускающей добровольный выход любой республики из состава единого государства.

И при этом так называемые “русские националисты” переводили на русский произведения современных писателей всех республик (включая озабоченных националистическим уклоном украинцев), делая их книги доступными не только общесоюзному, но и зарубежному читателю. Более того, они искренне радовались любому проявлению национального духа в каждой республике, исповедуя (может быть, многие невольно для себя) принцип леонтьевской “цветущей сложности”, которая делала культурную жизнь СССР поистине уникальной в современном мире...

И ещё более того: когда в печати появилась статья дагестанца Ахата Агаева, утверждавшего, что всем народам Советского Союза пора переходить на русский язык, многократно разруганный и ошельмованный за “Письма из Русского музея” и “Чёрные доски”, имеющий несмываемую репутацию “русского националиста” Владимир Солоухин (под этой кличкой он до сих пор фигурирует в многостраничных фолиантах, посвящённых этой теме) ответил статьёй “Что нас роднит”, в которой подчёркивал, что каждая нация должна говорить на своём родном языке и иметь свою родную культуру. После чего был вызван в один из отделов ЦК, где ему настойчиво пытались внушить, что он идёт поперёк течения, что это веление времени — единый язык и единая “советская культура”... Солоухин в том разговоре не уступил ни грана, и от него вынуждены были отстать.

В это же время год от года обострялся так называемый “еврейский вопрос”, точнее, вопрос, связанный с определённым количеством евреев, проникшихся сионистской идеологией, не скрывавших своих симпатий к Израилю, настаивавших на открытой эмиграции в “землю обетованную” и подозревавших всех и вся вокруг них во “врождённом антисемитизме”. Их уговаривали, одёргивали, им объясняли, что ничего хорошего их там не ждёт, но, как правило, все эти разговоры были бесполезны.

И тут в конце января 1969 года в Издательстве политической литературы вышла книга инструктора Международного отдела ЦК, отвечавшего за связи КПСС и Компартии Израиля Юрия Иванова, блестяще образованного исследователя, использовавшего в своём труде малоизвестную (а то и вовсе не известную) большинство информации, основанную на труднодоступных изданиях и закрытых источниках, в том числе и о причинах и обстоятельствах “шестидневной войны”: “Шестидневная война” — не первая и, вероятно, не последняя авантюра международного сионизма (круг его интересов и планов не ограничивается районом Суэцкого канала). Однако июньская агрессия 1967 года явила собой тот действительно редкий случай, когда международный сионизм, нарушив давно и твёрдо установленные правила, приподнялся над бруствером: премьер-министр Израиля Леви Эшкол проговорился о сумме, безвозмездно предоставленной в первые же дни войны израильским правящим кругам сионистскими организациями; в Израиле было открыто созвано международное совещание миллионеров еврейского происхождения; к изумлению своих сограждан, сионисты в ряде стран широко отпраздновали успехи израильских вооружённых сил...”

Прекрасно осознавая, какие последствия лично для него вызовет в еврейских кругах, заражённых сионизмом, выход его книги, Иванов счёл необходимым специально подчеркнуть: “...Одним из демагогических методов защиты сионизма от всех выступлений против сионизма в целом является квалификация этих выступлений как “актов антисемитизма”; выступления же против идеологии сионизма, в частности... сионисты объявляют “посягательством” на право самоопределения израильского народа. Мы отвергаем эти низкие приёмы столь же решительно, сколь решительно выступаем за право государства Израиль на существование, равно как и за право израильского народа освободиться от услуг сионистских лидеров, ставящих под угрозу его будущее”.

Иванов аргументированно разоблачал спекуляции сионистов, зиждущиеся на тенденциозном истолковании библейских текстов, их концепцию “всемирной еврейской нации”, “двойного патриотизма”, подробно (со ссылками на еврейских же историков) писал о причинах возникновения еврейских гетто, анализировал деятельность раввина, подвергая жёсткой и неукоснительной критике идею “мессианства”, выбивая из рук главный козырь сионистских идеологов: “По нашему утверждению, убеждать, что какой-либо народ, народность или национальная группа “страдала больше, чем кто-либо на свете на протяжении истории человечества”, — значит, не только намеренно, в угоду низменным националистическим устремлениям извращать факты прошлого, но и сознательно вставать на позиции расизма, лишь вывернутого наизнанку, воспитывать открытую или заглаженную неприязнь ко всем и вся, сеять рознь... Профессиональные стенания сионистов производят мало впечатления на тех, кто знает и помнит такие исторические эпизоды, как “ослепление болгар”, “сидение на костях” или транспортировку в Америку миллионов африканцев в трюмах кораблей, которые принадлежали в том числе и предкам сионистов по классу — еврейским торговцам и банкирам”.

Иванов открывал современному отечественному читателю, что родоначальниками сионизма были вовсе не Теодор Герцль со товарищи, а “правлящие круги колониальных империй” XVII века. Что колонизировать Палестину и заселить её евреями планировал ещё Наполеон Бонапарт, что активные попытки заселения земель Ближнего Востока евреями предпринимала Великобритания, ставшая своего рода примером для образовавшегося после Первого сионистского конгресса “Еврейского колониального треста”, пайщиком которого был, в частности, Эдмонт Ротшильд, без которого, по его признанию, “сионистское движение не продвинулось бы ни на шаг”... Он вводил в оборот совершенно расистские высказывания Ахад Гаама, Нордау, Пинскера, Гесса, Нахума Соколова, Вейцмана, Бен Гуриона, Бегина Моше Даяна и других идеологов и лидеров сионизма, приводил названия географических пунктов, откуда были выселены или где были уничтожены тысячи арабов, начиная с 1948 года, писал со ссылками на неопровержимые документы о прямой связи сионизма с германским нацизмом, юдофобская доктрина которого была, если угодно “бензином” для бесперебойной работы сионистского “механизма”, об израильском варианте апартеида со ссылками на слова тех же израильтян... Не был обойдён и вопрос об израильской пропаганде эмиграции из Советского Союза. Ссылка на слова израильского чиновника была весьма красноречива: “В вашей стране евреи — трудящиеся, и как таковые они абсолютно невзыскательны. Для освоения малонаселённых земель нас чрезвычайно устраивает как первое, так и второе обстоятельство”. При этом приводились весьма красноречивые цифры — число евреев, ежегодно бегущих с “земли обетованной”.

Фактологическая оснащённость книги была, если угодно, необычной по тому времени. И многое объясняла в происходящем сегодня.

Иванов, по сути, обращал свою книгу не только ко всеобщему читателю, но и к отечественным евреям, заражённым сионизмом. Он как бы говорил им: “Смотрите, чью идеологию вы исповедуете! Смотрите, куда вы рвётесь! Это всё издали вам кажется таким “благоприятным”... Там вы поймёте, почём фунт лиха!”

Последствия не заставили себя ждать. Дача публициста, куда он свёз часть тиража, была сожжена неизвестными. А 19 февраля 1969 года заведующий отделом пропаганды ЦК В. Степакон писал в докладной записке, адресованной Брежневу и другим членам Политбюро:

“... Директор московского книжного магазина № 25 т. Корчагина в беседах рассказывала, что отдельные постоянные покупатели обращали внимание на то, что лица определённой национальности скупают книгу и сжигают. В настоящее время книги Юрия Иванова “Осторожно, сионизм!” в московских магазинах нет”.

* * *

... 3 февраля 1970 года члены “Русского клуба”, естественно, читавшие книгу, на традиционном “вторнике” провели очередное заседание, на котором Сергей Семанов сделал доклад “Борьба В. И. Ленина против троцкизма в области истории и культуры”.

Как он сам вспоминал потом – “ну, Троцкого можно было материть сколько угодно, но вот излагать его русофобские идеи возбранялось строго. А мы поступили наоборот. Осторожный В. Н. Иванов даже стенографистку пригласил, единственный раз за всю нашу весёлую историю. Сделал я, разумеется, все необходимые оговорки, но товарища Троцкого процитировал в досталь, благо выписка из “спецхрана” у меня накопилось довольно. После мы услышали, что стенограмму немедленно запросили в отдел пропаганды ЦК. Нас это только обрадовало: пусть, мол, почитают товарищи. . . А главным-то читателем, как после выяснилось, оказался сам Александр Николаевич Яковлев. Впрочем, копия стенограммы сохранилась в моём архиве.

Заседание то было одним из самых многолюдных, до полусотни набралось людей, боевых и дельных, уж больно острой и злободневной была тема. Да и закрытая, по сути. Обсуждение выдалось весьма крутым, ибо касалось, как мы тогда шутили, “основного вопроса философии”. После доклада сразу же Дмитрий Жуков поднялся и спросил: “А каково было отношение Троцкого к сионизму?” Ну, ясно, о чём тут шла и пошла речь. . .”

(К слову: автор этой книги в начале 1980-х пользовался изданиями из спецхрана Библиотеки им. Ленина – нынешней Российской государственной. . . Чтобы туда попасть, нужно было всего-навсего вооружиться отношением от издательства, или журнала, или газеты с указанием темы работы. Так вот: книги всех ленинских “соратников” – от Зиновьева до Преображенского и Сосновского я получал совершенно беспрепятственно. Но когда попробовал заказать прижизненное издание Троцкого “Литература и революция” – наткнулся на непробиваемую стену. После долгих объяснений услышал, что для её получения необходимо дополнительное специальное разрешение “очень высокого” начальства. . . Обо многом пришлось задуматься, вспоминая этот эпизод, когда в первые же годы так называемой “перестройки” десятки книг “перманентного революционера”, изданные сотысячными и более тиражами, хлынули на книжные прилавки).

В том же году Сергей Николаевич Семанов стал заведующим серии ЖЗЛ, и с этого года началась новая жизнь этой прославленной серии, выходящей в издательстве “Молодая гвардия”. Пригласил его туда новый директор Валерий Николаевич Ганичев, работавший ранее заместителем Никонова, занявший издательское кресло год тому назад. Вот как он сам вспоминал об этом: “С чего начинать патриотическое, духовное, русское дело в издательстве? Конечно, с серии “Жизнь замечательных людей”. Я понимал, надо менять пропорции, посвящать как можно больше книг отечественной истории, подвижникам русской культуры и науки. Лицемерия и обмана в этой серии было сколько угодно, авторы были прикормлены и обласканы. Завредакцией Юрий Коротков был великолепный лицедей, устраивал мне на глазах редакторов и авторов скандалы, а потом в одиночку приходил и извинялся, объясняя всё своим неустойчивым характером. Но дело было не в том, что надо было кормить будущих диссидентов, их вскармливали и так, а кто кричал о том, как их притесняла советская власть в перестроечное время, получали все основные договоры и денежки по серии “ЖЗЛ”. А в “Политиздате”, куда они ушли из “ЖЗЛ” в серию “Пламенные революционеры”, гонорары были в два раза больше, чем в “Молодой гвардии”. . .”

Вызывает чрезвычайный интерес одно обстоятельство: кто именно подсажал Ганичеву, в каком направлении надо реформировать ЖЗЛ. Это был хозяин магазина русской книги Виктор Петрович Камкин, эмигрант первой волны, начавший свои скитания в Китае, продолживший на Филиппинах, а потом приехавший в Америку. С ним Ганичев встретился во время своей командировки в США по линии Комитета молодёжных организаций.

– Почему в вашей замечательной “ЖЗЛ”, – спросил он у Ганичева, – до сих пор не издали биографии Пушкина, Суворова, Кутузова, Багратиона, Державина, Достоевского, Тургенева, Некрасова, Александра Невского, Дмитрия Донского, Ушакова, Корнилова? Ведь без них нет русской истории. Ну, хорошо, пусть будут и революционеры. России-то без них тоже нет. . .

И опять – слово Валерию Николаевичу:

“Я и сам это понимал, но нужно было найти на смену безалаберному Короткову другого – решительного, эрудированного русского человека. . . В издательстве ждали дела. Слава Николаев, первый секретарь Ленинградского

обкома комсомола... изумительный системник, книгочей и собиратель книг, посоветовал мне, узнав, что я ишу завредакцией ЖЗЛ, посмотреть ленинградского кандидата наук, историка и писателя Сергея Семанова. Я навёл справки и позвонил Славе. Он же “шестидесятник”, сторонник “оттепели”? Нет, эта болезнь прошла – он увлечён отечественной историей, русской культурой. Семанов приехал, часа два мы с ними проговорили, оказался единомышленником, блестящим эрудитом. Я внёс его кандидатуру на секретариат (это была обязательная процедура, ибо давала московскую прописку и право на квартиру). Всё прошло благополучно...

А теперь обратимся к дневниковым записям самого Семанова:

“Все хотят, чтобы я возглавил ЖЗЛ, но сами-то предпочитают роль советников и идеологов. Ещё бы! Кому охота заниматься весьма важной, но черновой работой? В аппарат (а издательство – почти аппарат) идут только двуязычные и крепкокоже карьеристы. Можно самому, потев, гонять мяч по грязному полю, а можно наблюдать это зрелище с трибуны и умно комментировать его. Чей жребий лучше и приятнее?..

Ещё Шейнис говорил (он <... > абсолютно неоригинален, повторяет интеллигентско-либеральные средности – тем и интересен), так вот, он говорил, что все беды в мире “от нашего отечества”: маккартизм, бойня во Вьетнаме, военно-промышленный комплекс, проявления реакции на Западе и т. д. Я спросил: “Значит, поражение? – Да, – был ответ, и мне напомнили дилемму собственного изготовления 1956 года: что лучше, “джип” на Невском или “чёрный ворон” на Пятой авеню? “Но, – продолжал Ш[ейнис], – я потому против оккупации, что она в России породит взрыв низких инстинктов. – Модель 12 года тебя не устраивает? – Нет”, – сказал он...

Давно уже смутно чувствую я возникшую постфактум неудовлетворенность “Раковым корпусом”. И вот сегодня вдруг понял, почему. Это разбавленная “Смерть Ив[ана] Ильича”: умирают безбожные герои безбожного автора. И автор не жалеет своих героев, а словно мстит им: так вот вам, так, раз я мучился!.. Всё это неприятно. Но я уже говорил молодоговардейцам, что мы, русские, проспали Солженицына и отдали его жидам. А ведь во времена своей “Молитвы” и “Захара-Калиты” он был, бесспорно, русский человек...

Этюд “Приговор Сталину”.

За проведение коллективизации – расстрелять, однако, учитывая заслуги перед Россией в 1935–1953 гг., помиловать, разжаловав притом из генералиссимусов в генерал-майоры с назначением на должность начальника крупного концлагеря...

Давно уже учу своих малоспособных коллег, что нельзя понять русской революции, не признав в ней участие мистических сил. Будущий Гомер, описывая поединок Дроздовского с Думенко, укажет, что за плечами их стояли, как в “Илиаде”, небесные или подземные силы – и будет абсолютно прав.

Болг[арские] “левые” ужасно провинциальны. Говорят то, что мы лет 10 назад. Коля Нижов с восторгом говорил мне, что тепер[ешняя] молодёжь пьёт, развратничает и пр., но они лучше и чище нашей молодости, т. к. более свободны внутренне... Я предпочту, чтобы моя дочь выросла бы лучше “идейной комсомолкой”, чем пьющей и курящей шлюхой.

Нас (“русофилов”, по определ[ению] Кочетова) объединяет с николаевыми государственность, борьба с разложением и распадом, патриотизм, понимание сионистской опасности. Разъединяет: их жидомарксистская отрыжка в отношении старой России, религии и т. наз. “прогрессивных” движений. Но – события говорят о том, что они прозревают и в этом направлении. Свидетельство тому – Александр Ив[анович] Хватов... Этот недавний певец соц[иалистического] реализма со смаком поставил нам пластинку с церковным русским пением и с умилением слушал наше пение “Вещего Олега” (с моей лёгкой руки, она стала гимном нашей компании).

На глазах оформляются два крыла (это не партии – это шире): русско-консервативное и еврейско-либеральное. Вторые сильны своей организованностью, спайкой (от еврейского) и эксплуатацией русского нигилизма и наплевательства (либеральное), у нас, дескать, всё плохо и т. д. Верх возьмут, видимо, они и уж нас не помилуют, нет. Но “пусть каждый выполнит”...

“Весёлая история” продолжалась.

(Продолжение следует)